

УДК 821.161.3

МРНТИ 17.82.32

Ш.А. Умирханова*Казахский национальный женский педагогический университет**Алматы, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0000-0002-5514-2810>*email: umirhanovas@gmail.com***Г.А. Орынханова***Казахский национальный женский педагогический университет**Алматы, Республика Казахстан* <https://orcid.org/0000-0003-1864-1802>*email: gibadat_@mail.ru***ПОЭТИКА ПОВЕСТВОВАНИЯ В РАССКАЗЕ А. АРЦИШЕВСКОГО
"БРАТ" В КОНТЕКСТЕ ЖАНРОВОГО ПОДХОДА**

Аннотация. Статья посвящена исследованию поэтики рассказа А. Арцишевского «Брат», рассматриваемого с точки зрения специфики малых повествовательных форм. Рассказ как жанр в последние десятилетия приобретает особую популярность в казахстанской русскоязычной литературе, что обусловлено его способностью компактно и выразительно передавать глубокие идеи и настроения. Авторы анализируют художественное пространство произведения, систему персонажей, использование художественных деталей, а также психологизм, что позволяет выявить как оригинальные черты творчества Арцишевского, так и общие тенденции развития казахстанского рассказа. Исследование акцентирует внимание на специфике художественного воплощения, в том числе на уникальных элементах, отражающих национальный и культурный контекст. Важной задачей статьи является систематизация особенностей казахстанского рассказа, отличающих его от произведений других литературных традиций, а также выявление сходства, связанного с продолжением и трансформацией традиций русской классической литературы. В работе также рассматривается влияние психологизма на развитие персонажей и их взаимодействие в рамках рассказа. Таким образом, статья вносит значительный вклад в изучение жанровых особенностей казахстанской прозы и расширяет представления о взаимодействии локальных и глобальных литературных традиций.

Ключевые слова: жанр, рассказ, казахстанская литература, поэтика, А. Арцишевский.

Конфликт интересов:

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Дата поступления: 29.01.2025

Дата приема в печать: 04.03.2025

Введение

Малая проза предоставляет уникальные возможности для концентрации основных повествовательных механизмов. Именно в жанре рассказа компактность формы позволяет выявить ключевые приемы организации текста, что делает данный жанр особенно значимым для анализа (Алексеев, 1996). Структура рассказов, часто основанная на диалогичности, многослойности и игре с читательским восприятием, оказывается ценной для интерпретации произведений, в которых прослеживается стремление к активному взаимодействию с аудиторией (Романовская, 2003). Современное зарубежное литературоведение также уделяет внимание теоретическому осмыслению рассказа (short story) как литературного жанра (Ejxenbaum, 1994; Pasco, 1994), его поэтике, литературным приемам, использованным в нем (Guimaraes, 2009; Bahri, Wardiah, & Fitriani, 2021).

О. Сизых отмечает, что постмодернизм в современной прозе трансформирует восприятие быта и бытия, акцентируя внимание на пространственно-временных аспектах существования человека (Сизых, 2012). Эти черты находят отражение и в рассказах Адольфа Арцишевского, где художественное пространство и время формируют многослойную структуру текста. Рассказы малой формы, по мнению А.Н. Тотиевой, передают систему ценностей и стимулируют диалог с читателем (Тотиева, 2016). Это особенно важно для анализа произведений Арцишевского, в которых художественные детали усиливают эмоциональное воздействие и углубляют восприятие текста. А. Джемилева, в свою очередь, подчеркивает актуальность нарратива в условиях смены культурологических парадигм, обращая внимание на его диалогичность и коммуникативные процессы (Джемилева, 2011). Эти идеи напрямую соотносятся с произведениями Арцишевского, где повествовательная структура выстраивает сложную систему взаимодействия между автором, текстом и читателем.

Актуальность исследования поэтики рассказа А. Арцишевского «Брат», изданного в сборнике произведений писателя «Однажды после войны» (2015), определяется растущим интересом к изучению малых жанров в казахстанской русскоязычной литературе. Рассказ, как один из наиболее востребованных жанров, играет важную роль в литературном процессе последних десятилетий, демонстрируя способность лаконично и выразительно передавать повседневную реальность, философские размышления и психологическую глубину. Несмотря на значительное количество исследований, посвященных казахстанской прозе, вопросы, связанные с поэтикой повествования в рассказах Арцишевского, остаются недостаточно изученными. И анализ рассказа «Брат» становится важным не только с точки зрения его сюжетно-тематической структуры, но и в контексте жанрового подхода, позволяющего глубже понять особенности малой прозы в современной литературе.

Материалы и методы

Изучение современной казахстанской литературы сегодня ведется в разных направлениях, один из которых – жанровый подход. Теория жанров как в традиционном, так и в новейшем своем воплощении всегда основывается на одном из полярных подходов – конкретно-исторического или типологического. Первый

предполагает акцентирование особенностей того или иного жанра в данный отрезок литературного процесса. Второй нацелен на определение типологии жанра, перманентно присутствующего в конкретном анализируемом тексте вне зависимости от времени создания, направления и т.д. При этом эти два подхода не всегда противопоставлены. Приведем мнение Л. Чернец: «Необходимость четкого разграничения типологического и конкретно-исторического изучения жанров отмечалась неоднократно. Но продуктивны эти подходы именно тогда, когда они взаимодействуют, дополняют друг друга» (Чернец, 2005, с. 11). Поэтому в своем исследовании мы синтезируем оба подхода: основы тезиса Г.Н. Пospelова «Жанры – явление не исторически конкретное, а типологическое» (Пospelов, 1972, с. 155) и тезиса Д.С. Лихачева «Категория литературного жанра – категория историческая» (Лихачев, 1979, с. 55). В этой совместимости несовместимого на самом деле заложен прагматизм современности как социокультурного поля.

Одной из самых частых форм воплощения художественной мысли современного Казахстана становится малая проза как совокупность жанров малой формы. Чаще всего казахстанские авторы обращаются к форме рассказа, что можно назвать тенденцией развития литературного процесса сегодняшнего дня. Актуальность жанра рассказа обусловлена общей тенденцией к уменьшению повествовательного поля, к вербальной минимизации, обусловленной ритмом жизни читателя.

Результаты и обсуждение

Значительное место в казахстанской литературе занимает творчество Адольфа Арцишевского, публициста и эссеиста, автора более чем пятнадцати стихотворных и прозаических сборников рассказов и повестей, романов. Жанровые предпочтения писателя достаточно широки: рассказ, повесть, роман – все эти формы в равной степени удостоились внимания автора. В рамках нашего исследования, как говорилось выше, обратимся к рассказу Арцишевского «Брат». Рассказ на сегодняшний день является одним из наиболее предпочитаемых жанров в казахстанской литературе.

Рассказ «Брат» описывает простые человеческие отношения, которые в обычной жизни, возможно, не стали бы основой для сюжетного повествования. История военного Ромашова, который, потеряв свою семью в войне, снова обретает счастье, излагается сквозь призму восприятия главного героя рассказа – школьника Олега. Олег, живущий с матерью и Ромашовым, чувствует себя одиноким. Ему не хватает отцовской любви. Ведущим психологическим мотивом мироощущения мальчика становится «ненужность»: «в доме он лишний и никому не нужен», «От одиночества и от того, что в семье он был никому не нужен, его тянуло заглядывать в чужие окна» (Арцишевский, 2015, с. 309–310). Олег проводит время тоже в одиночестве, выпуская птиц из гнезда и принося лесную живность в дом. Вылазки мальчика на природу сопровождает лексический ряд «убегал», «убежал», «спрыгнул и хотел убежать» (Арцишевский, 2015, с. 306–310). Постоянное стремление покинуть пространство дома говорит о неустроенности мальчика, потере им чувства семьи. Треугольник «мать» – «Ромашов» – «Олег» к концу рассказа распадается: отчим узнает о том, что его прежняя семья выжила. Олег, несмотря на его неустроенность, все же добр и человечен: автор подчеркивает, что, несмотря на чувство ненужности, при разговоре с Антониной, сестрой Ромашова, он называет его отцом. Мальчику нужно заполнить пустоту, оставшуюся в душе после гибели отца, и он, пусть и формально, принимает Ромашова.

Судьба Ромашова за короткое время разворачивания сюжета резко меняется: из повествования мы узнаем, что он потерял всю свою семью, затем он узнает о том, что его родные остались в живых. Еще незнакомого с этой новостью Ромашова автор описывает на основе включенных в текст определений: «Ромашов счастливый. Ему повезло», – говорит капитан, имея ввиду, что после потери родных Ромашов нашел любовь. И тут же автор вводит антитезу в описании глаз героя: «А у Ромашова были несчастные глаза – счастливые и несчастные одновременно» (Арцишевский, 2015, с. 311). Парадоксальное сочетание «счастье» – «несчастье» становится ведущим для описания не только отдельной личности героя. Подобное сознание было характерно для всех победителей в Великой войне. Счастье, доставшееся нелегкой ценой, – главная идея, которую транслирует автор. И в этом весь трагизм человека в войне. Авторская позиция А. Арцишевского помогает включить рассказ «Брат» в систему многих других рассказов, описывающих судьбу человека в войне и после войны – в шолоховской истории о «счастливой» встрече героя с названным сыном, в цикле рассказов С. Алексеева «100 рассказов о войне» и других повествованиях на эту тему. Е.В. Крикливец подчеркивает специфику современных произведений о войне: «Временная отдалённость от описываемых событий сделала возможным появление новых когнитивных и эстетических моделей в современной литературе о Великой Отечественной войне. Произведения, увидевшие свет после 2000-х годов, созданы преимущественно авторами, не имеющими личного военного опыта, в своих творческих разысканиях руководствующимися историческими документами, литературными рефлексиями предшественников. Посему читателю предлагается принципиально новый опыт: он уже не погружается в эмпатические переживания автобиографических ситуаций нравственного выбора, а сталкивается с различными способами репрезентации социальных и культурных кодов» (Крикливец, 2024, с. 55).

Действительно, в рассказе А. Арцишевского нет внесюжетных включений о военных действиях, герои практически не произносят слово «война», но вся цепь событий, описанных повествователем, позволяет читателю практически тактильно ощутить чувство потерянного поколения, чью жизнь – каждого по отдельности – и всей страны в целом – исковеркала эта трагедия.

К «военным» элементам пространства рассказа можно отнести такие художественные составляющие, как «чудесная свалка» патронов на пустыре, истребители, которые «носятся» над пустырем (Арцишевский, 2015, с. 307–308). Они дополняют картину описания послевоенной жизни, в которой до сих пор находятся следы народной трагедии. Но подобные артефакты имеют свойство исчезать. Гораздо важнее для автора мысль о том, что бесчеловечность войны кроется в последствиях, которые навсегда остались в душе людей, причастных к войне.

Психологизм авторского повествования проявляется и в том, что фигуре Ромашова противопоставлена старуха, потерявшая на войне обоих детей. И здесь трагичность судьбы матери, чьи сын и дочь оказались по разные стороны войны, позволяют выйти за рамки традиционного деления на «наших» и «врагов», присущего советской военной прозе. Осмысление того, что в войне нет победителей и в любой своей форме и проявлении он бесчеловечна, позволяет А. Арцишевскому художественно воплотить судьбу человека в мировом масштабе. «Мой Алек», – ласково указывает Олегу на фотографию офицера в альбоме старуха. «Он фашист?» – вопрос Олега находит неоднозначный ответ: «Он Александер». Для

матери ээсовец прежде всего сын, который выбрал свой, трагичный, путь во взрослой жизни. «Олег не видел лица на фотографии. Он видел высокую фуражку со свастикой» (Арцишевский, 2015, с. 312), – отмечает повествователь, обращая внимание на доминирование атрибутов врага в сознании мальчика. Старуха, безусловно, меняет представление героя о роли человека в войне. И в это момент авторское начало сильнее всего ощущается в тексте. Потеряв все самое ценное в жизни из-за войны, старуха обладает на сегодняшний день только одним близким существом – козой. Но в финале рассказа и коза тоже уходит от нее. Этот сюжетный момент обостряет чувство трагичности в описании старухи.

Художественная деталь – излюбленный прием в создании портрета героя у А. Арцишевского. Повествователь довольно подробно, несмотря на небольшой объем текста, описывает интерьер обители старухи: «В комнате пахло свежим бельем», «На стене висело распятие», «На столике покоилась источенная временем книга с все тем же распятым Христом на обложке» (Арцишевский, 2015, с. 312). Эти описательные моменты косвенно наделяют старуху такими чертами, как чистоплотность, набожность. «Прошу, панич», – ласково и уважительно приглашает старуха Олега заглянуть в комнату. Поступки старухи, описание ее комнаты контрастирует с образом, созданным до этого момента: Ромашов пытается создать конфликт, видя в старухе только мать ээсовца. Автор же обращает внимание читателя на то, что враг, «чужой», он приобретает свой статус только из-за того, что оказался на одной из противоборствующих сторон. В прошлой жизни Александер был чьим-то сыном, братом. Бесчеловечная же сущность войны лишает общество и человека в нем привычных ролей, семьи, оставляя только ту роль, которая навязана ему войной. На фотографии, запечатлевшей погибшую дочь старухи, мы видим «девчонку», «из тех, что играют с куклами, плаксивы и боятся выстрела из рогатки» (Арцишевский, 2015, с. 312). «Он любил деревья. Он садил сад. Он хотел быть ботаником» (Арцишевский, 2015, с. 312) – совсем не «вражеский» набор личностных качеств Александера ломает сознание маленького героя. «Он бегал на мельницу, ловил раков и рыбу» – это предложение семантически нагружает образ погибшего фашиста, приближая его к Олегу, с походов которого к мельнице за раками начинается повествование. «Война сделала его ээс», – говорит несчастная мать, обозначая подлинный исток человеческой трагедии. Наивысшего напряжения признания старухи достигают в фразах: «Его убили партизаны» и «Ее убили ээс» (Арцишевский, 2015, с. 312), которые поляризуют фигуры брата и сестры – кровных родственников, ставших врагами из-за войны. «Я их схоронила рядом», – говорит старуха, озвучивая мысль о том, что смерть уравнивает людей. Отметим, что подобная расстановка персонажей усложняет рассказ, масштабируя философский подтекст повествования. Важным фактором становится то, что такой важный сюжетный поворот описан через сознание ребенка, объективируя идею отрицания войны.

Образ старухи сопровождается характеристиками христианской покорности: «тихая улыбка», «Ее голос оставался спокойным. Он видел все ту же покорную улыбку», «с тихой и доброй улыбкой», «ее поблекшие глаза слезились, на красном лице была притерпевшаяся улыбка», «Ее голова тряслась, и ее улыбка тоже вздрагивала. Она была припечатана к лицу старухи, как возраст и то, что пережито от чего никуда не уйдешь», «улыбчивая красная щека увлажнялась» (Арцишевский, 2015, с. 312–316). Улыбка на лице старухи становится сквозным элементом, придавая образу несчастной матери трагичность и практические иконописный

облик. СобираТЕЛЬный образ женщины на войне и в послевоенной жизни вбирает в себя все то, что переживали матери и жены: потери любимых, смерть детей, одиночество, неустроенность.

Покорность становится главной чертой и другого женского персонажа рассказа – Валентины, матери Олега. «Поезжай... Тут ничего не поделаешь. Тебе повезло. Не каждый находит семью» (Арцишевский, 2015, с. 314), – покорная своей судьбе, только недавно вновь обретшая счастье, Валентина так легко отказывается от него. «Только наруби побольше дров и принеси воды» – это последнее поручение звучит как последняя просьба приговоренного, того, кто уже ничего не решает, а только подчиняется судьбе. До получения письма с вестью о выжившей семье Ромашова мать Олега описывается как счастливая женщина: «Олег слышит смех матери», «Она тихо смеется, и это счастливый смех» (Арцишевский, 2015, с. 307). После того, как Валентина узнала о детях Ромашова, она начинает жалеть его: «Ему сейчас тяжело» (Арцишевский, 2015, с. 314), не задумываясь о собственном психологическом состоянии. Автор оттеняет эту типичную для женщин войны черту – внутреннюю силу и готовность стойко переносить испытания. Женщина-мать – главная ипостась женского персонажа, которая реализуется и в описании отношений между Валентиной и Ромашовым. Она обращается к супругу «мой мальчик», «мальчик мой». Ромашов при этом чувствует себя ее ребенком: «У Ромашова становятся ясные детские глаза», «Ромашов послушно, как ребенок, плакал» (Арцишевский, 2015, с. 307–311).

При описании Валентины автор традиционно вводит важную для него деталь – платок на плечах героини. В зависимости от настроения героини она воздействует на эту часть женского одеяния, символизирующую семейственность. «Мать стянула концы платка на груди» (Арцишевский, 2015, с. 309), – так описывается жест героини, когда Валентина велит сыну отнести ворону в сарай. Момент наивысшего духовного напряжения женщины, когда она узнала правду о детях Ромашова, также подчеркивается тем же жестом: «Другой рукой она все пыталась стянуть концы платка на груди». В момент, когда она принимает общее решение («Поезжай»), женщина соединяет концы платка: «Мать стянула концы платка на груди и крепко их держала». Описание жеста с платком может усиливать напряжение в сюжете: «Казалось, платок лопнет у нее на плечах» (Арцишевский, 2015, с. 310–314). В ситуации, когда Ромашов уезжает, повествователь отмечает эту важную для состояния героини деталь: «С ее плеч свободно свисали концы платка» (Арцишевский, 2015, с. 316). Образ платка символизирует завязку, кульминацию и развязку в сложившейся ситуации между героями. Свисающие концы платка в финальной сцене обозначают свободу мужчины и женщины друг от друга. Дальнейшая судьба Валентины и Ромашова туманна. Какое решение примет офицер – никому не известно. Но Валентина уже отпускает мужа духовно и физически.

Еще один яркий образ женщины представляет сестра Ромашова Антонина, это собираТЕЛЬный тип советской женщины-военного: «женщина, в шинели, с сержантскими погонами», «прокуренным голосом», «пыталась раскурить трубку», «стала выбивать трубку об носок сапога», «желтым ногтем придавила окурок» (Арцишевский, 2015, с. 310). Авторский психологизм в описании женщины проявляется в «двойном» динамическом портрете: обняв Олега, она становится «женщина-женщина», и ее голос уже «не прокуренный», а «просто немного охрип из-за избытка чувств», «Она жалостливо вздохнула» (Арцишевский, 2015, с. 310).

Портрет подвижный: женщина то примеряет на себя «мужской» облик, то снова возвращается в естественный, женский: «на миг прорезался ее генеральский бас», «Но тут же она снова стала женщиной» (Арцишевский, 2015, с. 310). Автор в портретных деталях подчеркивает неестественность мужественности женщины-участницы фронтовых действий, которая наравне со всеми была вынуждена защищать Родину и отказываться от традиционной мирной роли в семье.

Говоря об особенностях организации художественного пространства в рассказе, отметим, что одним из ключевых в рассказе становится образ дома. Все персонажи обитают в одном пространстве – доме старухи. Это сама старуха, капитан, Ромашов с Валентиной и Олегом. Это общее пространство, на котором разворачивается действие, и герои проживают свою жизнь, становится символом мира, в котором на общей земной территории живут люди, пострадавшие от войны.

Художественное пространство дома включает важный для автора элемент – окно. Вывод о важности мы делаем на основе частотности лексемы, вводимой автором в текст. В двух абзацах, описывающих комнату капитана, «окно» без учета местоименной замены включено четыре раза: «Он не видит окна капитана», «Под окном в расплывчатых сумерках четко вырисован куст сирени», «Олег не видит окна, но он знает, наполовину оно прикрыто рыжей от солнца, седой от пыли и возраста газетой. В центре окна, у переплета рамы газета порвана гвоздем...» (Арцишевский, 2015, с. 313). Символ окна/стекла здесь обозначает грань между художественным миром и точкой зрения автора, которую в этот момент отображает герой. Через прореху в газете видны часы. Образ газеты здесь можно интерпретировать как односторонность средств массовой информации и – в общем – официальных источников – в отображении мировых событий. Откинув пристрастность в образе газеты, автор сквозь детский взгляд на мир пытается объективно оценить роль человека на войне, последствия войны в мире, осознать соотношение философских категорий «время» – «жизнь» – «смерть» – «бессмертие». Реализуется это через образ часов. Они описываются как большие: «похожие на шкаф и величиной с шкаф»; «У них трудный астматический ход и глубокий размеренный бой» (Арцишевский, 2015, с. 313). Тяжелый, будто замедленный ход часов символизирует некую остановку во времени, когда человечество остановилось в своем развитии. Война как варварский способ решения конфликтов, полностью отрицается автором. «Бом-м-м...» – звучит «словно с того света», «Били часы в другом конце дома, в комнате капитана» (Арцишевский, 2015, с. 314) – такой бой напоминает поминальный церковный звон, звучащий по всем людским потерям в Великой войне. Часы как символ смерти и бессмертия одновременно выводят повествование на более высокий уровень, чем простое описание семейной трагедии, а сочетание символов часов и окна символизирует взгляд автора в мир прошлого и рождает мысли о будущем.

Мир настоящего описывается автором в негативном семантическом поле: «страшно и сильно било», «пальцы сводило от усилий», «смертельно боится», «у них трудный астматический ход», «Ему сейчас тяжело» (Арцишевский, 2015, с. 314). Колористика художественного мира также передает трудности послевоенной жизни. Это зеленый цвет гимнастерки: «в скользких зеленых лохмотьях», «он с прозеленью», «зеленую гущу полдня», черный цвет дыма военных пожарниц: «черную дугу», «черный, шевелящийся и скрежещущий клубок», серый цвет уныния: «пушистую серую грудь», «серый ком упал в пыль», тяжелый альбом в сером бархате», красный цвет кровопролития или волнения: «их панцирь станет багрово-красным», «раскраснелась», «на красном лице была притерпевшаяся улыбка», «ягоды были краснобоки» (Арцишевский, 2015,

с. 306–315). Несмотря на то, что война закончилась, картина мира не восстановлена и долго еще будет отзываться в сознании человека.

Символика звука также передает отсутствие гармонии окружающего мира. Мир рассказа наполнен разнообразными звуками. Это предметные звуки: «шум пламени» примуса, на котором варятся раки, «вж-ж-ик!» – звук пули, «Бом-м-м», «били часы», «дверь крякнула»; антропоморфные звуки: смех матери Олега, зооморфные: «Кру...крак», «Карр», «На улицах мычали коровы» (Арцишевский, 2015, с. 306–316). Звуки мирной жизни передают атмосферу послевоенного возрождения, а зооморфные звуки включают маленького героя в природный мир, который логичнее, гармоничнее и – по большому счету – правильное того мира, который создал человек.

Мир растений и животных, окружающий мальчика, разнообразен и несет в себе черты приграничных с Польшей территорий России середины XX века. Русский культурный код рассказа реализуется через ряды составляющих. Это природные семантемы: «береза», «береста», «рак», вещные: «котелок», «примус», «пенька», «паз», «бутылка спирта» (Арцишевский, 2015, с. 306–310). Они передают ощущение человека войны со стороны победителя. Но он выглядит неуютным, неустроенным, передавая отсутствие гармонии послевоенного времени.

В финале рассказа возникает символический образ кладбища. К нему направляется Валентина с Олегом и оттуда идет старуха – хозяйка дома. Это место становится частью их жизни, ведь там покоятся близкие люди – те, кто не выжил в войне. На кладбище Валентина идет, чтобы получить силу для разрешения своих проблем. Туда ходит и старуха. Два кладбища – русское и польское – становятся символом одинаковых потерь. Война не может сопровождаться односторонними несчастьями.

Два момента в рассказе – голова воробья, оторвавшаяся от его тела в тот момент, когда Олег подбил птицу рогаткой и эпизод со старухой – полностью меняют отношение героя к миру. В первом случае повествователь отмечает: «Он не хотел держать в руках мертвую или подраненную птицу. Он хотел держать живую, готовую вырваться из рук и снова стать недостижимой» (Арцишевский, 2015, с. 308). Читатель понимает, что послевоенное детство героя – трудное как в материальном, так и в психологическом плане – не ожесточит героя. Его ждет светлое будущее в кругу семьи. Оптимистичность повествования усиливается финальной фразой рассказа: «Через неделю у Олега появился брат» (Арцишевский, 2015, с. 316), с которой перекликается название рассказа и образует семантическое кольцо. Несмотря на то, что братишка Олега не включен в сюжет, он имеет важное значение для понимания идеи рассказа. Мотив беременности здесь символизирует обновление, новую жизнь, другую, свободную от войны, в которой погибают люди, становятся врагами родные, теряются дети, разрушаются дома. Природный фон финальной части рассказа дополняет ощущения героя. Лунарный образ «острого и молочно-белого» молодого месяца, «исподволь наливавшегоса светом» (Арцишевский, 2015, с. 316), символизирует новизну и обновление.

Заключение

Проведенное исследование рассказа А. Арцишевского «Брат» позволило выявить особенности поэтики в одном из самых распространенных жанрах малой прозы Казахстана. Основной идеей художественного текста является передача ощущения послевоенного времени сквозь призму детского взгляда. Мир после

войны не совсем похож на мир. Тревожность и дисгармонию послевоенного мироощущения передает символика цвета (зеленый, черный, красный), звука (природного и вещного). Метафорическое понимание земли как общего дома транслируется через образ общего на всех персонажей дома.

Антропологическая составляющая мира рассказа делится на мужскую и женскую персонажную сферы. Мужчина в рассказе – это военный (капитан, Ромашов) и Олег, сын погибшего офицера. Женщины – вдова офицера Валентина, мать эсэсовца старуха-хозяйка дома, Антонина Петровна, сержант Советской армии. Каждый из них имеет непосредственное отношение к войне. Война незримо является центром сюжетного действия. Послевоенное время в представлении автора – это не полноценный мир. Война не проходит бесследно, а последствия ее практически никогда не исчезнут. Даже счастье героев после войны «несчастно».

Рассказ «Брат» Адольфа Арцишевского представляет собой оригинальный образец художественной прозы, в котором автор синтезирует элементы психологического и философского способов создания художественного мира. Раскрытие внутреннего состояния героев, взаимоотношений людей, которые пережили войну – на фронте или в тылу – призваны через судьбу отдельного человека передать дух эпохи, ознаменованной Великой войной, передать пацифистскую идею бесчеловечности войны.

Произведение Арцишевского, с одной стороны, продолжает традиции русского реалистического рассказа послевоенного времени («Судьба человека» М. Шолохова, «Сын полка» В. Катаева, «Там, вдали» В. Шукшина, «Последние залпы» Ю. Бондарева и др.) в изображении трагизма судьбы человека, с другой – реализует индивидуальные черты жанрового образования, а именно авторский космогонизм мышления, толерантность, присущую всем казахстанским авторам, полинациональную ментальность в изображении мира и человека, что подтверждает эстетическую и художественную ценность рассказа в контексте современного литературного процесса Республики Казахстан.

Список использованной литературы

- Алексеева Т.А. Поэтика повествования в рассказах Н.С. Лескова: дисс. ... канд. филол. н. Москва, МГУ, 1996. 190 с.
- Арцишевский А. Однажды после войны. Алматы: «Алаш», 2015. 480 с.
- Джемилева А.А. Особенности повествования в рассказах Умера Ипчи // Культура народов Причерноморья. 2011. № 252. С. 17–19.
- Крикливец Е. Роман А. Матвиенко «Демон против Люфтваффе» в стилевой интеграции реализм – постмодернизм // Тіл және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі / Язык и литература: теория и практика, 2024. Т. 3. №3. С. 55–66. <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-3-3-55-66>
- Лихачев Д.С. Поэтика древнерусской литературы. Москва: Наука, 1979. 360 с.
- Поспелов Г.Н. Проблемы исторического развития литературы. Москва: Просвещение, 1972. 269 с.
- Романовская О.Е. Принципы повествования в рассказах В. Набокова: дисс. ... канд. филол. н. Астрахань, 2003. 187 с.
- Сизых О.В. Поэтика современного российского рассказа // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М.К. Аммосова. 2012. Т. 9. № 2. С. 123–129.

- Тотиева А.Н. Поэтика рассказа Германа Гудиева «Закадычный» // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 7–3. С. 72–75.
- Чернец Л.В. К теории литературных жанров // Литературные жанры: теоретические и историко-литературные аспекты изучения. Материалы международной научной конференции «VII Пospelовские чтения – 2005» / Под ред. Ремнёвой М.Л., Эсалнек А.Я. Москва: МАКС Пресс, 2008. С. 6–13.
- Bahri, I.S., Wardiah, D., & Fitriani, Y. (2021). Analysis of the Facts of Stories and Literary Tools in a Collection of Short Stories for the Girl Dancing in the Rain by Dewi Q. A'yun. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 565, 308–316. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210716.057>
- Ejxenbaum, B.M. (1994). O. Henry and the Theory of the Short Story. Trad. Titunik, I.R. In: May, Charles. *The New Short Story Theories*. Athens: Ohio University Press, 81–88.
- Guimaraes, J.F.N. (2009). *The Short-Short Story: The Problem of Literary Genre*. Retrieved 02 January 2025 from https://www.ucs.br/ucs/tplSiget/extensao/agenda/eventos/vsiget/portugues/anais/textos_autor/arquivos/the_short_short_story_the_problem_of_literary_genre.pdf
- Pasco, A.H. (1994). On Defining Short Stories. In: May, Charles. *The New Short Story Theories*. Athens: Ohio University Press, 114–130.

References

- Alekseeva, T.A. (1996). *Poetika povestvovaniya v rasskazax N.S. Leskova* [Poetics of narration in the stories of N.S. Leskova]. Diss. kand. filol. n. Moskva, MGU. (in Russ.)
- Artishevsky, A. (2015). *Odnazhdy posle voyny* [Once upon a time after the war]. Almaty: “Alash”. (in Russ.)
- Bahri, I.S., Wardiah, D., & Fitriani, Y. (2021). Analysis of the Facts of Stories and Literary Tools in a Collection of Short Stories for the Girl Dancing in the Rain by Dewi Q. A'yun. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, 565, 308–316. <https://doi.org/10.2991/assehr.k.210716.057>
- Chernets, L.V. (2008). К теории литературных жанров [Towards the theory of literary genres]. In: *Literaturnye zhanry: teoreticheskie i istoriko-literaturnye aspekty izucheniya*. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii VII Pospelovskie chteniya – 2005. Red. M.L. Remneva, A.Y. Esalnek. Moskva: MAKS Press, 6–13. (in Russ.)
- Dzhemileva, A.A. (2011). Osobennosti povestvovaniya v rasskazax Umera Ipchi [Features of the narrative in the stories of Umer Ipchi]. *Kul'tura narodov Prichernomorya*, 252, 17–19. (in Russ.)
- Ejxenbaum, B.M. (1994). O. Henry and the Theory of the Short Story. Trad. Titunik, I.R. In: May, Ch. (ed.). *The New Short Story Theories*. Athens: Ohio University Press, 81–88.
- Guimaraes, J.F.N. (2009). *The Short-Short Story: The Problem of Literary Genre*. Retrieved 02 January 2025 from https://www.ucs.br/ucs/tplSiget/extensao/agenda/eventos/vsiget/portugues/anais/textos_autor/arquivos/the_short_short_story_the_problem_of_literary_genre.pdf

- Kriklivets, Ye. (2024). Roman A. Matviyenko «Demon protiv Lyuftvaffe» v stilevoy integratsii realizm – postmodernizm. *Til және әдебиет: теориясы мен тәжірибесі / Yazyk i literatura: teoriya i praktika*, 3(3), 55–66. (in Russ.). <https://doi.org/10.52301/2957-5567-2024-3-3-55-6>
- Likhachev, D.S. (1979). *Poetika drevnerusskoy literatury* [Poetics of Old Russian Literature]. Moskva: Nauka. (in Russ.)
- Pasco, A.H. (1994). On Defining Short Stories. In: May, Ch. (ed.). *The New Short Story Theories*. Athens: Ohio University Press, 114–130.
- Pospelov, G.N. (1972). *Problemy istoricheskogo razvitiya literatury* [Problems of the historical development of literature]. Moskva: Prosveshcheniye. (in Russ.)
- Romanovskaya, O.E. (2003). *Printsipy povestvovaniya v rasskazakh V. Nabokova* [Principles of Narration in the Stories of V. Nabokov]. Diss. kand. filol. n. Astrakhan'. (in Russ.)
- Sizykh, O.V. (2012). Poetika sovremennogo rossiyskogo rasskaza [Poetics of the modern Russian short story]. *Vestnik Severo-Vostochnogo federal'nogo universiteta im. M.K. Ammosova*, 9(2), 123–129. (in Russ.)
- Totieva, A.N. (2016). Poetika rasskaza Germana Gudieva "Zakadychnyy" [Poetics of the story "Bosom Buddy" by German Gudiev]. *Aktualnye problemy gumanitarnyx i estestvennyx nauk*, 7(3), 72–75. (in Russ.)

Ш.Ә. Өмірханова, Г.А. Орынханова

*Қазақ ұлттық қыздар педагогикалық университеті
Қазақстан Республикасы, Алматы*

А. АРЦИШЕВСКИЙДІҢ "АҒА" ӘНГІМЕСІНДЕГІ ЖАНРЛЫҚ ТӘСІЛ ТҮРҒЫСЫНДАҒЫ БАЯНДАУ ПОЭТИКАСЫ

Аңдатпа. Ғылыми мақала А. Арцишевскийдің «Аға» әңгімесіндегі поэтиканы шағын баяндау формаларының ерекшелігі тұрғысынан қарастыруға арналған. Әңгіме жанр ретінде қазақ орыстілді әдебиетінде соңғы онжылдықта терең ой мен сезімді жинақы әрі көркем жеткізе білуінің арқасында ерекше танымал болды. Авторлар шығарманың көркемдік кеңістігін, кейіпкерлер жүйесін, көркем детальдарды пайдалануды, сонымен қатар Арцишевский шығармашылығының өзіндік ерекшеліктерін де, қазақ әңгімесінің жалпы даму тенденциясын да анықтауға мүмкіндік беретін психологизмді талдайды. Зерттеуде ұлттық-мәдени мәнмәтінді бейнелейтін бірегей элементтерді қамтитын көркемдік мәнерлеудің ерекшеліктеріне баса назар аударылады. Мақаланың маңызды міндеті – қазақ әңгімесінің басқа әдеби дәстүр туындыларынан ерекшеленетін қырларын жүйелеу, сондай-ақ орыс классикалық әдебиеті дәстүрінің жалғасуы мен өзгеруіне байланысты ұқсастықтарды анықтау. Сондай-ақ шығарма кейіпкерлерінің дамуына психологизмнің әсері мен олардың оқиға аясындағы өзара әрекеті қарастырылады. Осылайша, мақала қазақстандық прозаның жанрлық ерекшеліктерін зерттеуге елеулі үлес қосып, жергілікті және әлемдік әдеби дәстүрдің өзара байланысы туралы түсінікті кеңейтеді.

Түйінді сөздер: жанр, әңгіме, қазақстандық әдебиет, поэтика, А. Арцишевский.

Sh. Umirkhanova, G. Orynkhanova

*Kazakh National Women's Teacher Training university
Republic of Kazakhstan, Almaty*

**POETICS OF NARRATIVE IN A. ARTSISHEVSKY'S STORY
“BROTHER” IN THE CONTEXT OF GENRE APPROACH**

Abstract. The scientific article is devoted to the study of the poetics of A. Artsishevsky's story 'Brother', considered in the context of the specificity of small narrative forms. The short story as a genre in recent decades is gaining special popularity in Kazakhstani Russian-language literature, which is due to its ability to compactly and expressively convey deep ideas and moods. The authors analyse the artistic space of the work, the system of characters, the use of artistic details, as well as psychologism, which makes it possible to identify both original features of Artsishevsky's work and general trends in the development of Kazakhstani short stories. The study focuses on the specifics of artistic embodiment, including unique elements reflecting the national and cultural context. An important task of the article is to systematise the peculiarities of the Kazakhstani story, which distinguish it from the works of other literary traditions, as well as to identify similarities associated with the continuation and transformation of the traditions of Russian classical literature. The paper also considers the influence of psychologism on the development of characters and their interaction within the story. Thus, the article makes a significant contribution to the study of genre features of Kazakhstani prose and expands the ideas about the interaction of local and global literary traditions.

Keywords: genre, short story, Kazakhstan literature, poetics, A. Artsishevsky.

Вклад авторов

Умирханова Ш.А. – концептуализация, формальный анализ, программное обеспечение, роли/письмо – первоначальный проект, написание.

Орынханова Г.А. – написание – обзор и редактирование, курирование данных, исследование; методология.